

Содержание

Предисловие · 9

Благодарности · 13

Введение · 15

ЧАСТЬ I

Глава 1. Миф гражданской нации · 49

Глава 2. Моральная психология сообщества · 82

Глава 3. Так что же такое нация? · 121

Глава 4. Народ, нация и национальное
государство · 165

Глава 5. Легитимность и лояльность:
осмысляя национализм · 191

Глава 6. Народный суверенитет
и подъем национализма · 228

ЧАСТЬ II

Введение в часть II · 263

Глава 7. Моральная ценность случайно
сложившихся сообществ · 268

Глава 8. Лояльность к нации и либеральные
принципы · 305

Глава 9. Моральная проблема национализма · 351

- Глава 10. Право наций на самоопределение:
в чем здесь подвох? · 383
- Глава 11. Космополитическая скромность
и ее цена · 413
- Глава 12. Учимся жить с национализмом · 465
- Библиография · 499

Посвящается Марион

Предисловие

ОБЩИЕ исследования национализма обычно принимают одну из двух форм: короткое теоретическое эссе «на злобу дня» или длинное, исчерпывающее сравнительное исследование. Боюсь, что эта книга располагается где-то посередине. Перед вами довольно длинное (надеюсь, впрочем, что не утомительное) теоретическое исследование этого предмета.

Как таковая эта книга довольно необычна. Мы, политические теоретики, стали наконец-таки обращать серьезное внимание на национализм. Однако этот предмет по-прежнему редко удостоивается от нас последовательного и продолжительного аналитического исследования, вроде того, которого удостоиваются такие ключевые понятия, как свобода, правосудие или государство. Возможно, это обусловлено тем, что у нас немного канонических образцов исследования национализма, которым можно было бы следовать. В этой сфере нет ни своего Маркса, ни своего Милля, ни своего Макиавелли. Есть только мелкие тексты таких первостепенных мыслителей, как Фихте, или крупные тексты таких второстепенных мыслителей, как Мадзини. Или, может быть, это обусловлено тем, что успех национализма оказался камнем преткновения фактически для каждой крупной современной школы политической мысли, от либерализма и марксизма до консерватизма и коммунитаризма. Тот факт, что единственная крупная современная политическая идеология, которую, похоже, не смущает ас-

социация с национализмом, — это фашизм, явно не увеличивает его привлекательности. Безотносительно причин, короткое, прицельное эссе — чаще всего направленное против заблуждений наших коллег о данном предмете — является, по-видимому, той формой, в которой социальным и политическим теоретикам наиболее комфортно иметь дело с национализмом.

Я тоже собирался написать книгу именно такого рода. Меня изумляло, каким образом в 1980-е годы философы морали и политические философы, казалось, игнорировали важность национализма, как раз тогда, когда они ввязались в череду оживленных споров о той роли, которую в современном обществе играет сообщество. Мне, канадцу, в 1980-х годах жившему и преподававшему в Соединенных Штатах, было очень трудно соотнести эти споры со своим опытом повседневной жизни в этой стране. Разве можно было представить людей, скандировавших «С-Ш-А, С-Ш-А» на Олимпийских играх в Лос-Анджелесе 1984 года, как «неангажированных Я»¹ (если воспользоваться выражением, которое сделал популярным Майкл Сэндел)? (В том году игры бойкотировались русскими и восточными немцами, так что «ангажированность» американских болельщиков явила себя во всей красе с куда большей наглядностью, чем это обычно бывает у них в таких случаях.) Как вышло, что социальные и политические теоретики так много разглагольствовали о том, могут или не могут американские индивидуалисты жить без сообщества,

1. Отсылающее к Канту представление об индивидуе, как первичном по отношению к своим целям и ролям, развиваемое Ролзом. Сэндел критикует позицию Канта и Ролза, см.: Сэндел М. Д. Либерализм и пределы справедливости // Современный либерализм. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 191–218 (в этом издании выражение «unencumbered selves» переводится как «независимые Я»). — *Прим. пер.*

но до сих пор не проявляют никакого интереса к энергичной и шумной привязанности американцев к своей нации?

Я попытался ответить на эти вопросы в паре своих эссе «Согласуется ли либеральная практика с либеральной теорией?» и «Миф гражданской нации». Но и объяснив, почему многие из моих коллег игнорировали этого слона национального вопроса в комнате, я по-прежнему затруднялся ответить, что же он там делает, или хотя бы связно осветить его видовые характеристики. Я, как представляется, лишь расчистил строительную площадку, а не явил взорам ранее скрытый предмет. Вместо возвращения к более знакомым и менее отпугивающим предметам я решил поработать на этой площадке и написать книгу, которая сейчас лежит перед вами.

Ключевая заявка этой книги (и первейшая причина ее объема) состоит в том, что именно неадекватность нашего понимания феномена сообщества затруднила объяснение и верную оценку того, почему мы полагаемся на национальную лояльность. Другими словами, именно наше недопонимание рода (сообщества) создало столько сумятицы и неопределенности при исследовании его удивительно мощного вида (нации). Чтобы исправить это недоразумение, я предлагаю в этой книге альтернативную теорию сообщества, а именно ту, которая развивает более широкое и более гибкое понимание моральной психологии, одушевляющей данную форму человеческой ассоциации. («Моральная психология» здесь и на протяжении всей книги обозначает то, каким образом мы воображаем других в качестве объектов наших попечений и обязательств. Как таковая она является базовым, хотя и часто недооцениваемым, феноменом для политических теоретиков вроде меня.) В этой книге я доказываю, что нам нужно заменить модели сообщества, сформированные образами солидар-

ности или коллективной идентичности, моделью, сформированной отношениями взаимной попечительности и лояльности, характерных для того, что я называю социальной дружбой. Затем я показываю, как это альтернативное понимание общества может помочь нам лучше осмыслить нации и национализм, а также те проблемы, которые они для нас создают.

Подозреваю, что многие знатоки национализма, устав от, по-видимому, бесконечных и циклически повторяющихся попыток дать определение нации, возможно, подумают, что шаг назад к более высокому уровню абстракции — это последнее из того, что нам нужно. Но я надеюсь показать, что именно то, что нами не сделан этот шаг и не пересмотрено наше понимание сообщества, привело к тому, что наши усилия осмыслить нации и национализм оказались столь разочаровывающими. До сих пор теоретические исследования национализма в недостаточной мере являли то, что Гегель любил называть терпением понятия. Надеюсь, что это исследование докажет, что подобное терпение не останется без награды.

Благодарности

В СЕ эти годы этот проект поддерживался целым рядом учреждений: Американским советом научных обществ (ACLS), Шведской коллегией перспективных исследований в области общественных наук (SCASSS) в Упсале, Центром европейских исследований в Гарварде, Университетом Висконсина в Мэдисоне и Университетом Брандейса. Я очень благодарен им всем за интерес к моей работе и за их великодушие. Особенно мне хотелось бы поблагодарить Марка Бейсинджера, Кроуфорда Янга и других моих бывших коллег в Мэдисоновской группе исследований национализма и культурного плюрализма за ободрение, которое я получил от них в начале этого проекта, равно как и Йохана Арнасона, Джона Холла, Ганса Джоаса и Бьерна Виттрока за интеллектуальное дружеское общение в течение года, проведенного мной в Упсале. Также я благодарю Джули Сигер за помощь в подготовке окончательной версии этого текста.

Потрясающую пользу принесли мне отклики, полученные мной за эти годы на мои идеи о национализме, — гораздо больше, чем, подозреваю, я могу вспомнить. Однако мне хотелось бы воспользоваться возможностью, чтобы поблагодарить нескольких человек, комментарии которых были особенно важны для совершенствования моей книги: Йенса Бартелсона, Сэма Бира, Рона Бейнера, Маргарет Канован, Ингрид Креппелл, Джона Холла, Стивена Холмса, Джона Хатчинсона, Маргарет Мур, Гари

Шиффмана, Роджерса Смита и Камилу Сталлерову. В наибольшем же долгу я, как и всегда, перед Марион Смайли, моей сотаинницей на жизненном пути. Возможно, я никогда бы не начал (не говоря уже о том, чтобы завершить) эту книгу, если бы ее пронизательность и великодушие не освещали мне путь.

Фрагменты этой книги уже появлялись в более ранних версиях, хотя для этой публикации все они были значительно пересмотрены. Глава 1 впервые появилась в виде статьи «Миф гражданской нации» (“The Myth of the Civic Nation,” *Critical Review*, 10, Spring 1996. P. 193–212), а затем в пересмотренной форме в сборнике *Theorizing Nationalism* / ed. Ronald Beiner, Albany, NY: SUNY Press, 1998. P. 103–118. Некоторые фрагменты главы 6 впервые появились в виде статьи «Народный суверенитет и национализм» (“Popular Sovereignty and Nationalism,” *Political Theory*, 29 (4), 2001. P. 517–536). В одном из параграфов главы 8 используется материал, который впервые появился в статье «Право по рождению — кому чин, а кому клин: случайность, выбор и сообщество в новейшей политической мысли» (“Birthright, Birthwrongs: Contingency, Choice and Community in Recent Political Thought,” *Political Theory*, 39 (3), 2011. P. 406–416). Некоторые же параграфы главы 9 впервые появились в виде статьи «Не обязательно быть фанатиком, чтобы действовать как фанатик» (“You Don’t Have to Be a Fanatic to Act Like One,” *Studi Veneziani*, 59 (2010). P. 27–43).

Введение

Бытие нацией и сообщество

ПОДЪЕМ национализма является одной из самых больших неожиданностей современной истории. Наши классические теории современного общества научили нас увязывать современность с ослаблением унаследованных отношений лояльности, со сдвигом от межпоколенческих сообществ к добровольным объединениям индивидов. Однако с почти повсеместным распространением национализма мы имеем иную историю. Ведь она гласит, что по крайней мере одна из форм межпоколенческого сообщества не просто выжила, но и расцвела в современном мире. По-видимому, в политической жизни современности нация стала играть такую же заметную роль, как и индивид.

Когда нас вот так вот удивляют исторические события, обычно это означает, что что-то не в порядке либо с нашими предположениями о том, чему следовало бы случиться, либо с нашими интерпретациями того, что случилось на самом деле. Касательно триумфа национализма большинство исследователей, как представляется, пришли к выводу, что в корректировке нуждаются именно наши интерпретации событий. Ведь они положили много трудов в разработку представлений о национализме, удерживающих этот феномен в ряду тех концептуальных дихотомий (*Gemeinschaft/Gesellschaft*, традиция/современность), на которых основываются наши наиболее влиятельные теории совре-

менного общества и его развития. Одни высказывают мнение, что, несмотря на свои дурные манеры и деревенское одеяние, в современном мире контракта и коммерции национализм чувствует себя как дома и даже играет в нем незаменимую роль. Другие учат нас, что национализм — это нарушитель, ворвавшийся из досовременного мира «крови и почвы», вспышка тех примитивных страстей, которые современное общество всюду старается подавлять. Третьи утверждают, что национализм проявляется и в той и в другой форме: и как либеральная преданность совместным политическим принципам в «гражданских» нациях, и как нелиберальная страсть к поклонению предкам в «этнических» нациях.

Но если нации и национализм стали в современном мире обычным делом, то, пожалуй, в пересмотре нуждаются как раз таки наши теоретические предположения о межпоколенческом сообществе, а не наши интерпретации наций и национализма. Если национальное сообщество играет в современных обществах такую большую роль, то, пожалуй, мы были не правы, всецело отождествляя современную жизнь со сдвигом от случайностей межпоколенческой лояльности к целенаправленности индивидуального выбора и контракта. Если крупные и безличные национальные формы сообщества появляются в традиционных обществах, то, пожалуй, мы были не правы, решительно отождествляя досовременный мир с сообществами, центром которых является род и деревня. Конечно, нация, с ее страстными обращениями к унаследованным отношениям лояльности, выглядит в современном мире как аномалия, если смотреть на нее сквозь оптику наших наиболее влиятельных теорий истории и социального развития. Но если, несмотря ни на что, она приобрела в этом мире беспрецедентную политическую важность, то, наверное, пришло время проверить наше зрение и обновить очки.

Эта книга шлифует линзы для новых очков и показывает, как ими пользоваться при изучении наций и национализма. В ней предлагается более широкая и более гибкая теория сообщества — теория, которая трактует сообщество как родовой компонент человеческой ассоциации, а не как особый продукт традиционной семьи и деревенской жизни. Затем в ней показывается, как с помощью этой теории мы можем разрешить старые загадки и прийти к новым прозрениям относительно роли наций и национализма в политической жизни современности. В части I разбираются вопросы объяснения (например, как понять нации и национализм в качестве социальных феноменов и как объяснить их неожиданное возвышение к видному политическому положению). В части II разбираются нормативные и практические вопросы, с сосредоточением, в частности, на том, что я называю моральной проблемой национализма. Как бы то ни было, в обеих частях я пытаюсь показать, что мы можем во многом развеять путаницу вокруг изучения национализма, стоит нам лишь освободить свое понимание сообщества из плена тех дихотомий, на которых основаны наши наиболее влиятельные социальные теории.

Важным шагом к этой цели является представление Бенедикта Андерсона о нациях как о «воображаемых сообществах»². Действительно, я подозреваю, что влияние этого известного аргумента во многом обязано тому, каким образом он ослабляет ту концептуальную смирительную рубашку, в которую современные социальные теории засунули мышление о национальном сообществе. Понятие воображаемых сообществ помогает нам пересечь рубеж, который отделяет *Gemeinschaft* от *Gesellschaft*, и начать более творчески мыслить о формах

2. B. Anderson, *Imagined Communities*, 5–7. [Андерсон Б. Воображаемые сообщества. С. 29–32.]

сообщества, скрепляющих крупные и относительно безличные группы наподобие нации.

Тем не менее концепция Андерсона — это только первый шаг в правильном направлении. Ведь триумф национализма в современном мире является вызовом, побуждающим нас заново продумать то, как нами понимается само членство в сообществе, а не только то, как мы понимаем меру расширения такого членства. В частности, это вызов, побуждающий нас совершенствовать наше понимание моральной психологии сообщества, под которой я подразумеваю то, каким образом мы воображаем свою связанность с заботами людей, разделяющих с нами что-то общее. Если сообщество играет столь мощную роль в крупных, безличных формах ассоциации наподобие нации, значит, его не определить в терминах отношений близкого знакомства, родства, частого взаимодействия или любого из прочих факторов, объединяющих малые, предполагающие личный контакт формы ассоциации, с которыми его, как правило, и отождествляют. Концепция воображаемого сообщества Андерсона помогает нам объяснить чувство связанности, переживаемое нами по отношению к людям, с которыми мы никогда не пересекаемся. Но при этом она возбуждает новые вопросы о том, что значит быть связанным с другими характерным для сообщества образом³.

В моделях, базирующихся на понятии *Gemeinschaft*, сообщество создается именно подчинением индивидов группе. Сообщества связывают нас, когда наши различия скрадывает коллективная

3. Крэйг Калхун (*Calhoun, Nations Matter*, 110) тоже отмечает, что для осмысления безличных форм принадлежности, развиваемых в национальных и космополитических формах ассоциации, неуместно апеллировать к той концепции сообщества, которая коренится в изучении ассоциаций, основанных на отношениях «лицом к лицу».

воля или идентичность, при этом сообщества контрастно отличаются от форм ассоциации, конструируемых нами для обслуживания наших интересов в качестве отдельных индивидов⁴. С этой точки зрения нации непременно должны попасть в одну из двух категорий. Они должны либо подчинять индивидов, либо подчиняться потребностям и интересам индивидов; отсюда хорошо знакомый контраст между так называемыми примордиалистскими и инструменталистскими (или модернистскими) теориями национализма, которыми во многом и формируется научный анализ данного предмета⁵.

Согласно моей альтернативной модели, сообщество складывается в результате некоего морального отношения между индивидами, называемого мной социальной дружбой⁶. Сообщества связывают нас не с помощью нашего подчинения группе или же слияния с ней, а посредством того, что мы расположены проявлять особое попечение и лояльность к людям, с которыми одинаково разделяем нечто общее. Эти чувства взаимного попечения и лояльности, в отличие от скрадывания различий инди-

4. Например, Тённис (Tönnies, *Community and Society*, 177–178) говорит о «двух диаметрально противоположных системах права: в одной отношения людей между собой — это отношения естественных членов (или частей) целого, в другой же они вступают в отношения друг с другом как независимые индивиды, просто в силу их собственного рационального изволения».

5. Сегодня примордиализм — это такая позиция, которую ученые, как правило, сами не одобряют, а приписывают ее другим. Редкий пример серьезной защиты этого подхода в недавних научных исследованиях см.: Grosby, *Nationalism*, и его же «The Verdict of History». Однако должен заметить, что Гросби, как и я, полагает, что если мы хотим осмыслить национализм, то нам нужно выйти за пределы дихотомии Gemeinschaft/Gesellschaft. См.: Grosby, «Nationalism and Social Theory».

6. Эта теория сообщества представлена главе 2 «Моральная психология сообщества».

видов в группе, являются общераспространенной чертой повседневной жизни, пусть даже их глубина и интенсивность и варьируются в разных формах сообщества. Ради представителей одних сообществ мы, пожалуй, не задумываясь пожертвуем минутой своего времени, а ради представителей других — самой жизнью. Однако всякая форма сообщества полагается на это нравственное чувство для установления связей среди индивидов.

Сообщество, о чем будет сказано, принимает столько разных форм, потому что разными людьми разделяется много разных вещей — от мест и практик до убеждений, личного выбора и родовых, — которые можно вообразить в качестве источников взаимной связи. С этой точки зрения относительно малые и плотно интегрированные группы, соотносимые в нашем теоретическом словаре с термином «сообщество», представляют собой лишь некий частный вид сообщества — вид, занимающий сейчас в нашей жизни менее заметное положение, нежели в былые времена. Нация представляет собой другой вид сообщества: межпоколенческое сообщество, члены которого связаны чувствами взаимного попечения и лояльности к тем, с кем они разделяют общее наследие культурных символов и преданий⁷.

Так как эта альтернативная модель сообщества не требует отказа от индивидуальной воли или от идентичности, сопряженной с более древними и более знакомыми моделями, она не принуждает нас к выбору в качестве центральной точки анализа либо нации, либо индивида, к выбору либо примордиалистских теорий национализма, преувеличивающих утрату нашей индивидуальности, либо модернистских теорий, недооценивающих глубину и подлинность наших привязанно-

7. Это понимание национального сообщества я защищаю в главе 3 «Так что же такое нация?».

стей в рамках сообщества. У нас есть все основания для того, чтобы разоблачать усилия, зачастую предпринимаемые нациями для углубления своей укорененности в прошлом, — весь нисходящий путь к этому роду малых, плотно интегрированных сообществ, соотносимых с понятием *Gemeinschaft*. Но нам необходимо смотреть, как бы не выплеснуть вместе с водой и ребенка. Из того факта, что нации заявляют ложные права на одну из форм межпоколенческого сообщества, не следует, что мы должны игнорировать тот род межпоколенческого сообщества, которым они на самом деле обладают. К несчастью, пока мы не перестанем пользоваться концептуальными дихотомиями, противопоставляющими сообщество добровольным, безличным и очевидно современным формам ассоциации, мы, вероятно, так и будем его игнорировать.

Подъем национализма не знаменует собой возвращение подавленного желания подчинить самих себя группе. Но он эксплуатирует и усиливает нашу расположенность проявлять особое попечение и лояльность по отношению к тем, с кем мы разделяем нечто общее. Именно поэтому я полагаю, что до тех пор, пока мы не приобретем более глубокое понимание моральной психологии сообщества и ее роли в повседневной жизни, мы не сможем осмыслить место наций и национализма в нашей жизни.

Национализм и либеральный индивидуализм

Видное положение наций и национализма в политической жизни современности — это особенная проблема для либералов, так как в общем они приветствуют ослабление межпоколенческих связей в качестве меры морального и политического прогресса. Либеральные воззрения на историю предполагают, что землю должны унаследовать все более

и более космополитические индивиды, сменив авторитарных патриархов и религиозных моралистов. Однако все обернулось так, что им пришлось разделить это наследие с нациями. Ведь эпоха либерального индивидуализма в равной мере была и великой эпохой национализма, по крайней мере до сих пор. Начиная с конца XVII столетия каждая крупная веха в распространении либеральной демократии — Славная революция 1688 года, Великая французская революция 1789 года, революции 1848 года, Гражданская война в Америке, крах европейских империй в конце Первой мировой войны, деколонизация после Второй мировой войны и распад Советской империи в 1989 году — является также вехой в распространении националистических настроений. Современное возрастание прав и автономии индивида, по-видимому, каким-то образом связано с распространением нового и чрезвычайно сильного выражения лояльности к сообществу.

Большинство либеральных теоретиков находят такое развитие событий довольно озадачивающим, поскольку унаследованное сообщество, «как неоднократно говорилось, — это не тот подход, к которому благоволят в нашем современном мире свободных и автономных индивидов»⁸. Марксисты, как однажды пошутил Эрнест Геллнер, были вынуждены придумать теорию «ложного адреса», чтобы объяснить, почему послание, которое история приготовила для рабочих всего мира, вместо этого было доставлено нациям⁹. Либералы, по-видимому, сталкиваются с похожим вызовом, хотя разбираться с ним они начинают только сейчас. Одни, как Джон Данн, говорят, что имело место массовое предательство либеральных принципов, сказала «привычка мириться с тем, что мы сами достаточно

8. Shachar, *The Birthright Lottery*, 115.

9. Gellner, *Nations and Nationalism*, 129. [Геллнер Э. Нации и национализм. С. 266.]

охотно считаем моральной нечистоплотностью»¹⁰. Другие, как Яэль Тамир, говорят, что у нас должен быть доступ к характерно либеральной форме национализма — той, которая позволяет «перевести националистические аргументы на либеральный язык» индивидуальных прав и добровольной ассоциации¹¹. Впрочем, обе группы согласны, что задача заключается в том, чтобы привести либеральную практику в соответствие хорошо знакомому образу современного мира свободных и автономных индивидов. Не согласны они лишь в том, нужно ли нам для этого отказаться от наций и национализма.

И все же, если лояльность к нации играет в нашем мире относительно свободных и автономных индивидов такую видную роль, не значит ли это, что в том, что неоднократно говорилось об этом, не все верно? Я думаю, что так оно и есть. Видимо, лояльность к сообществу и межпоколенческая связь занимают в нашем мире гораздо большее место, чем нам внушалось. Воображение нации и государства добровольными объединениями независимых индивидов, возможно, и помогло нам выиграть бой с патриархальным укладом, патернализмом и аристократическими привилегиями. Однако от него мало толку, когда надо иметь дело с лояльностью к сообществу, которая не перестала одушевлять наше нравственное существование, и с формами членства в группах, в которые большинство из нас вступают произвольно, а именно посредством случайных обстоятельств рождения. Стремимся ли мы к объяснению или оценке национализма, нам необходимо расширить понимание человеческой ассоциации, наполняющее собой наиболее знакомые картины либерального политического мира.

Если вы полагаете, что в современном политическом мире унаследованная лояльность к сооб-

10. Dunn, *Western Political Theory in the Face of the Future*, 57–59.

11. Tamir, *Liberal Nationalism*, 14.

шеству — это аномалия, то связи между национализмом и либеральным индивидуализмом были бы объяснимы только в случае победы одной из этих идеологий над другой: либералы либо оказались бы обольщены националистическими страстями, либо нашли бы средство переделать национализм по своему подобию. Но если мы пересмотрим наше понимание сообщества, сделав его рекомендованным мной образом более эластичным, мы откроем путь другим, лучшим, способам разъяснения этих связей. Ведь при том что крепко сбитые, скрепленные традицией патриархальные формы сообщества, соотносимые нами с понятием *Gemeinschaft*, почти не оставляют места для индивидуального самоутверждения, столь ценимого либералами, это мало что говорит нам об отношениях либерализма с более расплывчатой и безличной формой межпоколенческого сообщества, фактически явившейся вместе с нацией. Если национальное сообщество не требует подчинения индивидов группе, значит, нам не нужно обращаться к предательству либерализма или к либеральному перелицовыванию национализма, чтобы объяснить на удивление близкие связи между национализмом и либеральным индивидуализмом. Вместо этого мы можем поискать между этими идеологиями точки соприкосновения, благодаря которым обе остаются в силе.

Эта книга концентрируется на, как мне представляется, самом важном в этих связях между национализмом и либеральным индивидуализмом — на новой, более опосредованной концепции народного суверенитета, введенной европейскими мыслителями XVII и XVIII столетия. Эта концепция народа как учредительной суверенной силы, источника — но не исполнителя — всей легитимной власти, уверенно потеснила своих соперников, став фундаментом легитимности государства. Таким образом, о чем будет сказано, она стала катализатором, преобразовавшим старый и хорошо знакомый фено-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru